

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Оказывается, и один в поле воин!

Двадцать лет назад во время путешествия на теплоходе “Победа” вокруг Европы я побывал в Греции. Два десятилетия понадобилось мне, чтобы расшифровать загадку последнего мифа о Геракле, и лишь теперь я готов рассказать об этом.

Афины! Средоточие древнего эпоса, колыбель цивилизации. Здесь процветали высокие искусства, театр и поэзия в пору, когда народы те-перешней Европы рядились в шкуры и жили в пещерах.

Над пестрой мозаикой городских крыш высится скала с плоской вершиной, над которой виднеется что-то вроде короны, похожей на ферзя с шахматной диаграммы. Бело-желтая, словно отлитая из сплава золота с платиной. Но это мрамор. И не зубцы короны, а колонны разрушенного храма.

Мы поднимались к Акрополю долго. Дорога оказалась трудной и длинной. Идя по ней, люди священных шествий в свое время проникались благоговейным ожиданием чуда, прежде чем увидеть божественные строения.

Поразительно впечатление от величественного полуразрушенного здания Парфенона. В чем секрет? В строгой математической логике сооружения - восемь колонн на короткой стороне храма, семнадцать (именно $17 = 2 \cdot 8 + 1$) по длинному фасаду? В незаметном глазу наклоне колонн внутрь, который, скрадывая перспективу, как бы выравнивает их, не позволяет им при взгляде снизу “развалиться”? Или в ощущении воздушной легкости и гармоничности храма, пробуждающего невольные воспоминания о богине Афине-Деве, чья исполинская статуя стояла здесь, сверкая золотом в солнечных лучах, хоть и была деревянной, но в драгоценном чехле, служившем древним афинянам “золотым запасом”. Теперь от нее осталось лишь место, где она стояла. Но путешественники атеисты XX века с их пылким воображением готовы были преклониться перед великолепным языческим идолом.

Боги Олимпа! Сколько превосходных сюжетов получили мы от наивных, но поэтических верований эллинов!

Зевс-громовержец! Силой воцарившийся среди богов. Неистовый сластолюбец, зорко высматривающий для себя земных красавиц.

Его покойно-величавая жена, непреклонная Гера, покровительница домашнего очага, беспощадная гонительница рожденных от прелюбодеяния, в том числе и Геракла, побочного сына своего эгидодержавного супруга.

Бог света, враг зла, златокудрый, сияющий, но порой жестокий Аполлон с серебряным луком и не знающими промаха золотыми стрелами.

Богиня любви Афродита, воплощение женской красоты, рожденная морской пеной...

И множество других "узкоспециализированных" богов светлого Олимпа, которым противостоит брат Зевса Аид, правящий скорбным царством теней.

Украдкой подобрали мы бесценные сувениры, крохотные хрустевшие под ногами кусочки мрамора. Лишь много лет спустя я узнал, что туда по ночам завозили на самосвалах битый мрамор из карьеров специально для легковверных и жадных туристов, готовых растащить "на память" памятники беломраморной старины.

Довольные и взволнованные, вспоминая известные с детства мифы, шли мы по шумным улицам древнейшей из европейских столиц.

Афины в отличие от Рима с его остатками Колизея и раскопанными руинами прямо на улицах ничем, казалось, не напоминали своего древнего прошлого, но...

На углу переполненного машинами проспекта стоял продавец губок, величественно запрокинув голову, словно рассматривая видимый отсюда Акрополь, и держал на плече палку с ворохом губок, не поддельных, а собранных ныряльщиками со дна морского, чем-то похожих на детские воздушные шарики.

Задержавшись у перекрестка, мы все еще говорили о богах Олимпа, об их борьбе с титанами за власть над миром. О том, как они влюблялись, плодили детей, вели вполне человеческий образ жизни и следили за людьми, помогали героям, а великого героя Геракла даже сделали бессмертным.

- Рад, что наши древние боги занимают вас, - на чистом русском языке обратился к нам продавец губок. - Жаль, не вижу вас, мои бывшие земляки.

- Но мы перед вами, - начал было поэт, но спохватился, поняв, что старик слеп.

- Я родился в Колхиде, - продолжал тот, - жил там на берегу вашего Черного моря и до сих пор своими уже незрячими глазами вижу Кавказские горы и ту скалу, к которой бегал еще мальчишкой, ту самую, к которой был прикован Прометей.

Он произнес это с таким серьезным видом, что мы переглянулись.

- Я мог бы многое рассказать вам о Колхиде, о золотом руне, об аргонавтах, об Одиссее, Геракле...

Старый грек заинтересовал нас.

- Вы давно перебрались на родину? - спросил поэт.

- На "родину предков", - отозвался старик и раздраженно махнул рукой. - Отсюда виден Акрополь, но, увы, не видна наша с вами родина.

- Вы тоскуете о ней?

- Потому и заговорил с вами, услышав знакомую речь.

- Да, мы под впечатлением Парфенона! Какой непревзойденный гений создал его?

- Великий зодчий Фидий, друг Перикла, оратора и воина, мечом и словом подчинявшего себе всех. Но, увы, уже без него, - вздохнул старик, - гениальный зодчий по навету врагов, приписавших ему хищения, умер в тюрьме. Но разве найдется в мире столько золота, чтобы оплатить его творения, которыми спустя двести пятьдесят веков любуются люди Земли?

- С вами интересно говорить, - признался поэт.

- Я мог бы вам рассказать много интересного, чего почти никто не знает.

- Может быть, мы пройдем в кафе напротив? - предложил художник.

- О нет, почтенные гости! Там "Брачное кафе", туда приходят только люди, желающие вступить в брак, познакомиться. Боюсь, что нам с вами там делать нечего. Я проведу вас в другое место.

И он двинулся по тротуару. Мы шли за ним, видя, как колыхается за его спиной огромная связка губок.

Подошли к кафе с вынесенными на тротуар, как в Париже, столиками. Усатый официант усадил нас за один из них, а мы, скинувшись своей туристской мелочью, хотели угостить нашего спутника, но он запротестовал, сказал несколько певучих слов официанту, и тот исчез.

Вскоре он вернулся, неся бокалы с чем-то ароматным, что нужно было потягивать через соломинки.

- Никак не могу освоиться с тем, что нахожусь на территории Древней Эллады, - сказал художник.

- Так посмотрите вокруг, - сказал слепец, словно видел все лучше нас. - Разве не найдете вы среди людей носатых и мясистых, и тех, кто похож на древнегреческие статуи? Девушки, юноши... Представьте себе их с античными прическами, с ниспадающим складками одеянием... Не могу вам помочь в этом, но уверен... Но он помог, помог! И был прав, слепец! Слепыми оказались мы, зрячие! Люди, сидевшие за другими столиками, прохожие на тротуаре если не все, то некоторые из них стали восприниматься нами как дети Эллады. Вот юноша! Если вообразить себе его в тунике, с лентой на лбу, удерживающей пряди волос, его копию можно было бы поставить на пьедестал в музее! А эта девушка, что так заразительно хохочет с подругой! Да обе они с удивительно правильными чертами лица, с линией лба, продолжающей нос, превратись они по волшебству в мрамор, могли бы поспорить с творениями древних мастеров!

Я сказал об этом слепому продавцу губок и еще больше расположил его к нам.

- Вы обязательно отыщете скалу Прометея в Колхиде. Я вам расскажу, как ее найти. Я мальчишкой лазил на нее и нашел выемку от кольца, к которому повелением Зевса приковали Прометея. На высоте ста локтей. И это кольцо разбил Геракл, освободивший титана.

В голосе старого грека звучало столько убежденности, он был так уверен в том, что говорил, что мы снова переглянулись.

Старик откинул голову. Его полуседые вьющиеся волосы были повязаны лентой, переходя в густую, тоже полуседую курчавую бороду, обрамлявшую неподвижное лицо.

Я подумал, что вот таким мог бы быть Гомер!

- Геракл освободил Прометея, приговоренного Зевсом-громовержцем за похищение огня с Олимпа и передачу его людям вместе с ценными знаниями. Но никто не догадывается, что в числе этих знаний было и знакомство с божественной игрой, которой увлекались боги Олимпа, и прежде всего сам Зевс. Он сделал богиней этой игры свою дочь Каиссу, которую прижил с одной восточной богиней, передавшей ей знания игры.

- Что это была за игра? - живо заинтересовался я, услышав знакомое имя Каиссы.

- Не знаю, господа. Могу только сказать, что это была игра богов. В благодарность за свое освобождение титан Прометей обучил Геракла этой игре. И великий герой, возвращаясь со спутниками из похода аргонавтов, коротал за этой игрой долгие дни плавания.

- Это миф? - спросил поэт.

- А что такое миф? - в свою очередь, спросил слепец. - Это сказание о случившемся, переданное из поколения в поколение, может быть, и с видоизменениями. Ведь с тех пор прошла не одна тысяча лет. Так предания становились мифами. Кое-что забывалось. Например, конец мифа о великом герое Геракле, который завоевал бессмертие своими подвигами.

- Загладив ими тяжкие преступления, - напомнил поэт.

- Но боги, назначив ему искупление, учли одно важное обстоятельство. Я не всегда продавал губки. Было время - изучал историю. Первую жену Геракла звали Мегарой. А почему слово "мегера" на многих языках стало символом сквернейшего женского характера? Ведь произношение гласных изменчиво. Отталкиваясь от этого, я делал вывод о возможных причинах преступления Геракла. Почему не предположить, что герой был доведен своей сварливой супругой до иступленного состояния и, не желая, чтобы семя этой женщины жило в его поколениях, в припадке безумия способный и на самоубийство, уничтожил, как самого себя, собственных детей. Нет, я не оправдываю его, но я пытаюсь понять его действия, что, очевидно, сделали и боги, позволив ему искупить свою вину. Не случись этого, не совершил бы он свои тринадцать подвигов, давших ему бессмертие.

- Двенадцать, - робко поправил я.

Слепец не обернулся в мою сторону. Вдохновенно глядя поверх голов прохожих, словно видя вездесущий в Афинах Акрополь, твердо сказал: - Для людей двенадцать. Для богов Олимпа тринадцать. Об этом мало кто знает. Это результат моих исканий. Я был и археологом, и собирателем народных сказаний. А вот теперь губки...

- Если вы позволите, мы купим у вас по губке. Я хотел сказать, по две губки, - заверил художник.

Мы с поэтом кивнули.

- Признателен вам, господа. Я подарю вам их в память о тринадцатом подвиге Геракла.

И слепец заговорил чуть нараспев, словно аэд древности, аккомпанируя себе на струнах невидимой кефары. Иногда он переходил на гекзаметр древнегреческого стиха, а потом, словно спохватываясь, продолжал мерное повествование по-русски.

Мы слушали как замороженные.

- Когда Геракл победно возвращался из своего последнего похода, жена его Даянира, мучимая ревностью, стараясь сохранить путем вол-

шебства любовь мужа, послала ему великолепный плащ. Она пропитала его кровью кентавра Несса, пытавшегося когда-то ее похитить и сраженного стрелой Геракла. Коварный кентавр, стремясь из царства Аида отомстить Гераклу, сумел уговорить доверчивую женщину взять его кровь, которая якобы вернет ей любовь мужа, если пропитать ею его одежду. На самом же деле кровь эта была отравлена ядом Лейнерской гидры, уничтоженной Гераклом во время второго его подвига. Этот яд, которым Геракл придумал смазывать наконечники своих стрел, сделал кровь кентавра смертельной. И Геракл стал жертвой коварства мстящей ему тени. В великих мучениях вернулся он домой, где его несчастная жена, узнав о своем невольном преступлении, покончила с собой. Желая избежать дальнейших мук, Геракл потребовал от соратников положить себя на костер и поджечь его. И вспылал костер на высокой горе Оэте, взметнулось его пламя, но еще ярче засверкали молнии Зевса, призывающего к себе любимого сына. Громы прокатились по небу. На золотой колеснице пронеслась к костру Афина-Паллада и понесла Геракла, прикрытого лишь шкурой когда-то убитого им во время первого подвига Немейского льва. А нарядный плащ его, пропитанный смесью яда гидры и кровью лукавого кентавра, продолжал гореть. И поднялся от него ядовитый столб черного дыма ненависти и коварства, преградив путь золотой колеснице. То богиня Гера, преследовавшая героя всю его жизнь за то, что он был зачат Зевсом с земной женщиной, и теперь поставила перед ним преграду на пути к вершине светлого Олимпа. Да, герой, очистивший Землю от чудовищ и зла, заслужил обещанное ему бессмертие, но Зевс забыл сказать, где проведет он это бессмертие: на светлом Олимпе среди богов или в скорбном царстве Аида, служа там мрачному брату Зевса среди стонов и мучений теней усопших. И настояла Гера устроить Гераклу последнее испытание, потребовать с него еще один подвиг - сразиться в божественной игре с самим Корченным Тартаром, вызванным для этого из бездны тьмы.

Там, за медными воротами, содержал он неугодных Зевсу титанов, туда ввергал из царства Аида попавших прославленных . земных мудре-

цов, которых зловещий Тартар сперва обучал божественной игре, а потом, победив, ибо искусен был в ней, всячески издевался над ними, ввергая в конце концов в свою бездну мрака. Он, Тартар, породивший чудовище Тифона и адских многоголосых псов, не знал лучшей радости, чем торжествовать над кем-нибудь победу в божественной игре. Сам Тартар был порождением бога Обмана и богини Измены. Он исходил злобой на всех, корчась от безысходного гнева и неприязни. Такого противника предстояло Гераклу сокрушить, ничья означала для него поражение, иначе не было ему пути на светлый Олимп, и проведет он свои бессмертные дни среди мрака и скорби.

Олимпийские боги очень любили божественную игру и чтили богиню Каиссу за ее способность воспитывать игрой волю, отвагу, твердость духа и способность расчетливо находить жизненно важные решения.

Корченый Тартар знал, что освобожденный Гераклом Прометей обучил своего спасителя искусству божественной игры, и даже сам хитроумный Одиссей на обратном пути из Колхиды, научившись играть, нередко проигрывал Гераклу. Но злобный Тартар не боялся никого. Поединок должен был состояться у подножия Олимпа, там, где каждые четыре года проводились игры атлетов. Но никто из смертных не должен был быть свидетелем этой битвы богов (Геракл уже стал равным им!). Боги же Олимпа сошли с его вершины, чтобы насладиться поединком, ибо нет большей радости, чем видеть борьбу умов.

Сам Зевс явился со своей супругой Герой и даже поспорил с ней об заклад, ставя на Геракла, а она на Корченного Тартара. Закладом были сокровища пещер далекого Востока, откуда прибыла богиня Каисса, назначенная теперь Зевсом бесстрастным судьей этого поединка. В помощь к ней пришла богиня Фемида, которая сменила свои весы правосудия на сосуд, из которого она должна была наливать через узкое горлышко воду попеременно в чашу того из противников, кто обдумывал свои действия. И горе тому, чья чаша переполнится раньше, чем кончится бой, он будет считаться поверженным.

Остальные боги разместились вокруг игрового поля, расчерченного на разноцветные клетки, на которых по краям стояли в два ряда фигуры из белого и черного мрамора. Фигуры по указанию сражающихся переносили с клетки на клетку.

Противники смотрели на игровое поле со сторон, обмениваясь колкими словами, и для очередного хода подходил к богиням. Фемида, услышав распоряжение о сделанном ходе, тотчас начинала наполнять чашу другого противника, а Каисса передавала приказ карликам керкопам передвинуть нужную фигуру на указанную клетку.

Чтобы смертные не приблизились к сонму богов, любующихся схваткой, Зевс - "собиратель туч" нагнал их столько, что почернело небо и сверкающие молнии не только освещали игровое поле, но смертельно напутали всех окрестных жителей, которые не смели показаться из жилищ.

И под грозовые раскаты начался бой.

Тартар, царь мрака, огромный, хромой, весь перекошенный набор, взял себе черные фигуры. Геракл распоряжался светлыми.

Корченый насмеялся над своим противником, который, "видно, не привык упражняться в игре ума".

"Здесь мало подставить свои плечи под небесный свод вместо титана-Атланта, мало оторвать от земли титана Антея, который набирался от нее сил". "Не пригодятся в игре ума отравленные Гераклом стрелы, одной из которых в конечном счете он глупо отравил самого себя!" "И не поможет здесь "навозная выдумка" промыть Авгиевы конюшни повернутой в них рекой". "И уж совсем ни к чему верный глаз стрелка или рубящий скалы удар меча!" "Думать надо уметь, думать! Головой играть, а не мускулами!" Так насмешливо выкрикивал Корченый Тартар, стараясь унижить и запугать своего врага.

Конечно, Тартар был искусен в божественной игре. Но ему хотелось не только выиграть сражение, но еще и поиздеваться над Гераклом подобно царице Ливии Омфале, которой герой во искупление минутной вспышки гнева добровольно продал себя в рабство на три года. Вздор-

ная женщина старалась вволю насладиться за этот срок, глумясь над сильнейшим из сильнейших. Она унизительно наряжала его в женские платья, заставляла ткать и прясть, но так и не смогла сломить терпение и выдержку героя.

Но здесь перед лицом всех богов обидные выкрики Корченного Тартара достигли цели, лишив Геракла спокойствия и ясности мысли. Слишком он был вспыльчив и горяч.

Неоправданная поспешность Геракла позволила Тартару, даже не вводя в бой всех своих сил, добиться значительного материального преимущества.

Богиня Гера сказала эгидодержавному супругу: - Смотри, Зевс, твой сын потерял тяжелую колесницу. Любой оракул предречет теперь ему поражение, Ничего не ответил Зевс, свел только грозно брови, и еще пуще засверкали молнии из сгустивших туч.

А Корченный Тартар кричал: - Смотри, герой, носивший бабьи платья, это не просто сгущаются тучи над тобой, это растет моя черная рать!

Смолчал Геракл, только глубокие морщины прорезали его лоб.

- Я заставлю тебя плясать в моей бездне! И загоню тебя туда еще на игровом поле! - грозил Корченный, приплясывая и припадая на одну ногу.

Искусными ходами вынудил он царя беломраморных фигур перейти все игровое поле и вступить "в край мрака", где в начале игры построена была черная рать.

Вздохи прокатились по подножию Олимпа. Переживали боги. Многие любили Геракла, но коль скоро дело доходит до заклада, приходится считаться с мрачной силой Корченного, который перешел на самые отвратительные оскорбления противника: - Не сын ты Зевса, а помет аناлийского раба, прельстившего твою мать Аклмену. Анатолиец ты!

Вскипел Геракл, схватил рукой камень, чтобы бросить им в оскорбителя, но оплавился камень в его ладони, словно был он осколком прозрачной глыбы, встречающейся под белой шапкой высоко в горах за Колхидой или в царстве великанов на далеком севере.

Рассыпался в горячей руке оплавленный камень, и вспомнил Геракл, что бьется с богом мрака, сыном Обмана и Измены, бьется на игровом поле. И сдержался он, сказав, как когда-то так же оскорблявшему его великану: - Пусть на словах ты победишь. Посмотрим, кто победит на деле.

Восхитилась богиня Каисса Гераклом, не выдержало женское сердце бесстрастной богини. Воспользовавшись тем, что Корченный продолжал кричать обидные для Геракла слова, обращаясь к наблюдавшим за игрой богам, она шепнула Гераклу: - Герой, я не могу как судия подсказать тебе план борьбы, но как богиня божественной игры я вижу, что хоть и меньше у тебя светлых сил, чем сил мрака, все же ты можешь одолеть их, если совершишь свой тринадцатый подвиг на тринадцатом ходу...

Геракл гордо прервал ее: - Я сражаюсь один на один.

- Да, один ты и одолеешь врага, если рискнешь после пяти ходов остаться на игровом поле один против всей черной рати, если отважишься принести в жертву богине Победы всех беломраморных воинов, чтобы один лишь светлый царь со стрелами выстоял против сонма врагов семь ходов и еще один ход, не защищаясь, а нападая.

- Семь ходов и еще один одному против всех? - отозвался Геракл. - Но так даже в бою не бывает!

- Это не просто бой, это твоя жизнь на Олимпе, это бессмертие! Я сказала тебе, ЧТО ты можешь сделать за тринадцать ходов, но не сказала КАК. И тем не преступила клятвы судии.

И она отошла к богине Фемиде, лившей воду в чашу задумавшегося Геракла, который смотрел на игровое поле, заполненное беломраморными и смольно-черными фигурами. Он думал, а струйка воды из узкого горлышка кувшина Фемиды грозила переполнить его чашу.

"Богиня Каисса все видит на игровом поле, но как увидеть смертному на пороге бессмертия то, что доступно ей?" Так думал Геракл, пока яркой молнией не озарился его ум.

Когда герой сделал свой ход, боги ахнули. Бог сна Гипнос даже вскочил с каменной скамьи, ибо такого не увидишь и во сне!

Ворвавшийся в стан светлых герой черных фигур уже уничтожил тяжелые беломраморные колесницы, копьеносца и грозил убить кентавра. Но Геракл не только оставил того на погибель, а бросил и второго своего кентавра в самую гущу вражеских сил.

Однако хитрый Тартар разгадал уготовленную ему западню и вместо того, чтобы сразить ворвавшегося в его лагерь кентавра, уничтожил другого, которого загнал перед тем в безысходность.

Геракл же, осененный открывшимся ему планом, поставил следующим ходом снова под удар, но на этот раз своего копьеносца, дерзко грозя копьем царю Корченного Тартара, который сам же ограничил свободу его действий, допустил к нему в лагерь царя беломраморных. К тому же и жадно сберегаемые Корченным в резерве огромные силы черных тоже стесняли их царя.

Наглого копьеносца, конечно, можно было сразить, и Корченный, не задумываясь, сделал это.

Тогда Геракл нацелил одну из оставшихся у светлого царя стрел прямо в грудь черному царю. Пришлось Корченному бросить на помощь ему героя черных, который прикрыл бы своей силой черного царя.

И тут Геракл обрушил на противника столь свойственные ему при свершении подвигов удары, каждый из которых дорого стоил ему. Сначала в жертву богине Нике принесен был кентавр, еще глубже врезавшийся в толпу врагов, затем пал там и сам герой светлых, оставив белого царя одного в поле.

Некому было теперь его защищать.

Но по воле Геракла он не защищался, а нападал, используя оставшиеся в его колчане стрелы. И ход за ходом, а было их семь и еще один, Геракл так сжал вражескую рать, словно заползшую в его колыбель змею или как придавил к земле адского пса Кербера, или Критского быка, или Немейского льва, шкура которого украшала теперь его могучий торс.

Корченный смолк. Он уже не выкрикивал оскорблений Гераклу, а хрипло отсчитывал ходы, не отходя от своей переполнявшейся водой времени чаши.

Семь ходов и еще один, как предрекла богиня, понадобились Гераклу, чтобы бросить на колени врага, сделать неизбежным появление на поле новых беломраморных воинов, в которых превращались достигшие края поля стрелы.

Богиня победы Ника опустилась на игровое поле и коснулась великого героя своим крылом.

Боги расплачивались друг с другом оговоренными закладами.

Зевс сказал Гере: - Нет, не бесценные сокровища далеких пещер передашь ты мне. Раз ты проиграла, то должна отказаться от своей ненависти к Гераклу, который совершил свой тринадцатый подвиг и взойдет теперь на кручи Олимпа.

Гера поникла головой: - Хорошо, Зевс, считай, что сын твой Геракл, став бессмертным на Олимпе, выиграл в своем тринадцатом поединке и мою любовь, которая, клянусь богиней правды и врагов обмана, будет так же глубока, как и бывшая моя ненависть, сопровождавшая всю его жизнь на Земле. И мы дадим ему в жены богиню.

- Каиссу, - решил Зевс.

Боги встали.

Корченный Тартар шумел.

- Я требую переиграть! - вопил он. - Богиня Каисса постыдно шепталась с Гераклом, а продавшийся им бог Гипнос сидел на четвертой скамье и смотрел на меня, навевая сон. Я проспал последние ходы, и только потому Гераклу удалось довести до конца свой нелепый и ложный план.

Но богиня Фемида, за которой было последнее слово, объявила претензии Корченного Тартара презренными.

Богиня же Каисса, передвигая с помощью карликов кекрепов беломраморные и смолисто-черные фигуры, показала всем, что, как бы ни играл Тартар, победа Геракла была неизбежной.

Слепой старец кончил свой певучий рассказ о последнем подвиге Геракла. Он сидел спокойный, величавый, и пальцы его шевелились, словно перебирали струны невидимой кефары.

- Неужели это были шахматы? - спросил я.

- Я не играю в них, - вздохнул старик. - Я только передал ход игры, как рассказывали прадеды, а им их прадеды. Это такое же повествование, как путешествие Одиссея или осада Трои.

- Трою раскопали, пользуясь указаниями поэмы Гомера, - заметил художник.

- Да, Шлиман! - кивнул слепец. - Может быть, и сейчас найдется кто-нибудь, кто по моему рассказу раскопает "игровую Трою", разгадает, ЧТО ПРОИЗОШЛО НА ИГРОВОМ ПОЛЕ богов у подножия Олимпа.

Мы расстались с нашим удивительным продавцом губок.

Подаренная им губка вот уже двадцать лет лежит у меня на столе, напоминая о встрече с "ожившим Гомером", лежит укором мне, поэту шахмат, все еще не расшифровавшему игры, в которой ее богиня Каисса не устояла перед обаянием героя.

Понадобились два десятилетия, чтобы я все-таки "откопал шахматную Трою", чтобы мог теперь предложить вниманию читателей свой вариант того, что произошло на игровом поле под Олимпом после слов Каиссы.

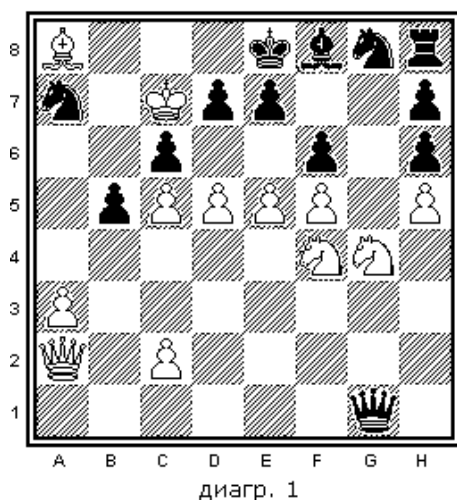
Вот такая позиция могла сложиться в шахматах (если это были шахматы!) в результате самонадеянной игры Корченного Тартара и не-

искушенного Геракла, у которого все же нашлось достаточно воли и ума, чтобы разгадать скрытый путь к выигрышу.

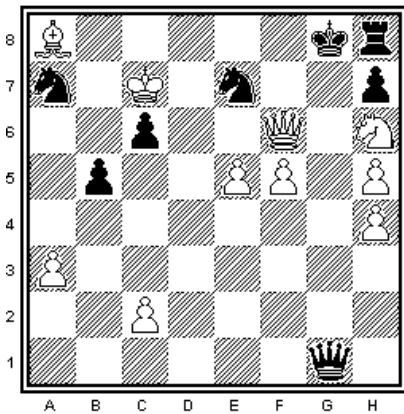
В этой позиции белые могут выиграть единственным этюдным путем, описанным в мифе о Геракле (диагр. 1).

Первым ходом они жертвуют коня (кентавра), вторгаясь в стан черных.

1. Ке6!

Но черные разгадывают ловушку, связанную со взятием этого коня: 1... d : e6 2. d6 - и атака белых неотразима: 2... Фd4 3. Ф : e6 Фd5 4. d7+ и выигрывают. Или 2... e : d6 3. Ф : e6+ Се7 4. с : d6 Кpf8 5. d : e7+ К : e7 6. Ф : f6+ Кpg8 7. К : h6+ и мат (диагр. 2).

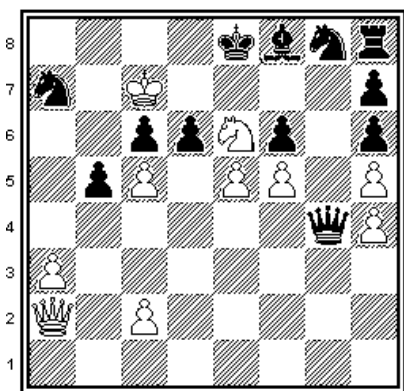
диагр. 2

Потому-то черные и взяли другого коня, не видя непосредственной угрозы и увеличивая материальное преимущество.

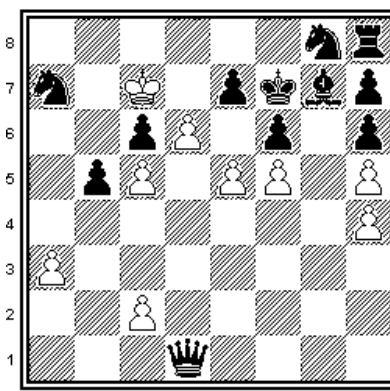
Но теперь их ошеломляет новый удар слона (копыеносца), грозящего непосредственно черному королю:

1... Ф : g4 2. С : c6!

Слона приходится брать, ибо отход короля 2... Кpf7 ведет к разгрому черных 3. d6, и уже не спастись. Попытка же ввести в бой ферзя обречена - 2... Ф : f5 3. С : d7+ Кpf7 4. Кd8+ и выигрыш белых! Если же 2... Ф : h5, то 3. С : d7+ Кpf7 4. d6, и черные или теряют ферзя, или получают мат ферзем на f7. Но чем взять дерзкого слона? Если конем 2... К : c6, то последует 3. d : c6 d : c6 4. Кd8 4... Фc4 5. Ф : c4 b : c4 6. e6 с выигрышем или 4... Фg7 5. Фе6, и мат следующим ходом.

диагр. 3

диагр. 4

Безопаснее взять слона пешкой:

2... d : c6

Но теперь освобо-
дился путь для броска
белой пешки с серьез-
ной угрозой черному
королю: 3. d6

Взятие этой пеш-
ки развязывает неотразимую атаку белых: 3... e : d6 (диагр. 3) 4. с : d6 С : d6+ 5. e : d6 Фg3 6. Кf4 Ф : f4 (диагр. 4) 7. Фе6+ Кpf8 8. Кpb7 и у черных нет защиты. Если 8... Фе5, то 9. d7 Ф : e6 10. f : e6 Кре7 11. Крс7 и выигрывают.

Вот почему Корченный Тартар вынужден был вмешательством ферзя отвести удар белой пешки (стрелы) с поля d7.

3... ♕d1

Но белые планомерно освобождают диагональ для действия своего ферзя, чтобы провести комбинацию “удушения” черных.

Ферзь черных уже не контролирует поле g7, и Геракл может пожертвовать сначала на g7 коня, а потом на f7 ферзя (героя!).

4. Kg7+ С : g7 5. ♕f7+ Кр 6 f7

Итак, король белых остался один на доске против черного воинства: короля, ферзя, ладьи, слона и двух коней! По рассказу слепого грека, царю светлых предстоит целых восемь ходов быть в поле одному, вооруженному лишь “стрелами” (пешками!), и не только выстоять, но победить противника! (диагр. 4)

6. e6+ Kpf8 7. d7 - вот он, смертельный зажим!

Тартар делает попытку вырваться хотя бы конем. Но у Геракла мертвая хватка, которую не раз познали враги:

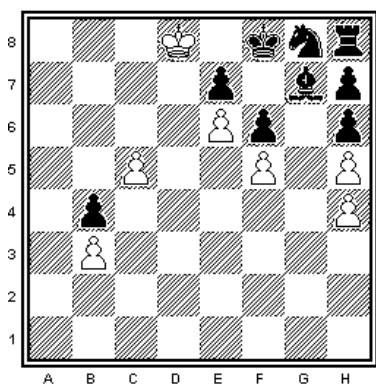
7... b4 8. a4

Тартар лукав и пытается оплести противника коварной сетью.

8... b3

Никак нельзя сейчас 9. d8=♕+? ♕ : d8+ 10. Кр : d8 b : c2 и Геракл повержен! Но сила великого героя не только в гневном напоре, но и в ледяном спокойствии:

9. c : b3 Kb5+

диагр. 5

Тартар отдает своего коня, идя на все!

10. a : b5 c : b5 11. d8=♕+ ♕ : d8+ 12. Кр : d8 b4! (диагр. 5)

Вот каково дно черного замысла! Сыграй здесь Геракл торжествующе 9. c6 и черным пат - ничья, закрывающая герою путь на светлый Олимп!

Однако Геракл настороже и не оставляет

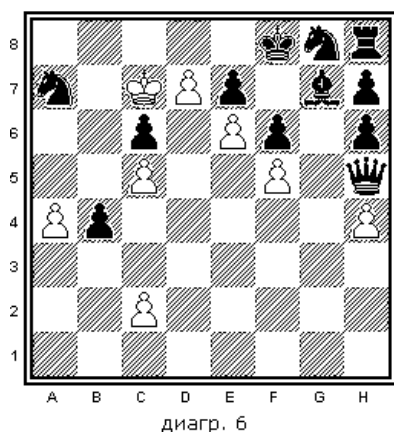
врагу никаких шансов. Своим тринадцатым ходом он завершает свой тринадцатый подвиг.

13. Крс7!

Черный король распатован, и белая пешка неизбежно пройдет на край доски, матюя черного короля.

Вот здесь богиня Победы Ника, очевидно, и опустилась на игровое поле, коснувшись крылом Геракла.

Корченый Тартар скандалил, пытаясь доказать, что план Геракла был ложным и опровержению помешал бог Гипнос, усыпивший бдительность Корченного Тартара.

Тогда богиня Каисса показала, что, если бы Корченый Тартар на восьмом ходу играл бы иначе, это не помогло бы ему:

8. а4 Ф : h5 (диагр. 6) 9. d8=Ф+ Фе8 10. h5!

Но, конечно, не 10. Ф : е8+ как показывал Корченый, после чего ему хотелось провести 10... Кр : е8 11. h5 Cf8! 12. Kpb7 Kpd8 13. Кр : а7

Крс7 и ничья! При внимательной же игре будет совсем не так!

10... Kb5+ 11. а : b5 b3 12. с : b3 с : b5 13. Ф : е8+ , и снова выигрыш на тринадцатом ходу!

Поскольку мне после двадцатилетних усилий удалось воспроизвести на шахматной доске "шахматную Троию", описанную "ожившим Гомером XX века" битву богов на склоне Олимпа, во мне утвердилось убеждение, что шахматная игра, завезенная с Востока, была известна и древним грекам, найдя даже свое отражение в одном из мифов. И возможно, что старинные ограничения действий фигур были последующими искажениями ее первоначальных "божественных" правил, восстановленных ныне полностью.

Пусть это лишь гипотеза, но, может быть, она придется кому-нибудь по сердцу!